

„ПЕРВЫЙ ВІНОКУРЪ“!

meamr
19102

Стоило ли ставить «Перваго винокура»? Нуждалась ли эта назидательная сказка въ сценическомъ воплощеніи и представляла ли для такого воплощенія сколько-нибудь значительный интересъ?

Думаю, не будетъ какимъ-нибудь неуваженіемъ къ великому Толстому отвѣтить на всѣ эти вопросы отрицательно. Нѣтъ, не стоило, нѣтъ, такого интереса для театра «Винокуръ» не представляетъ. Въ теченіе всего спектакля не проходило ощущеніе, что произошло какое-то недоразумѣніе, что дѣлается что-то совершенно ненужное. Тутъ только игра на весьма приподнятый смертностью интересъ къ Толстому, на его чрезвычайную популярность; и лишь это, а никакъ не внутреннія, художественныя достоинства драмы-сказки, не возможность что-то интересное въ ея рамкахъ сдѣлать, опредѣляли рѣшеніе Незлобинскаго театра.

Мнѣ нечего ни рассказывать «Винокура», ни характеризовать его. Толстой — художникъ въ немъ почти совсѣмъ не участвовалъ; писалъ его Толстой-проповѣдникъ, и не широкихъ моральныхъ истинъ, не высокихъ требованій къ человѣку, а маленькой антиподочной проповѣди. И лишь очень рѣдко, въ отдѣльной, по-толстовски мѣткой фразѣ, по-толстовски яркомъ сравненіи, сопоставленіи, чувствуется великанъ русскаго художественнаго слова. Но изъ-за этихъ рѣдкихъ крупинокъ не стоило поднимать громоздкій театральный аппаратъ, пускать въ ходъ его колеса. Нечего тутъ дѣлать актерамъ, нельзя тутъ создавать образы, раскрывать игру чувства, плѣнять трепетомъ живой жизни.

Гораздо больше работы въ этой сказкѣ, при ея инсценировкѣ, декоратору и режиссеру. Въ своихъ назидательныхъ цѣляхъ Толстой вводитъ въ сказку всякую нечисть и нежить, чертей всякаго ранга и порядка, — тутъ и «старшой», и чортъ мужицкій, который научилъ мужика курить вино, обратилъ преизбытокъ хлѣба въ проклятіе, и чортъ купеческій, и чортъ чпшовпчій, и даже специальный чортъ бабій, приставленный къ прекрасному полу. Всѣ они собираются дважды въ пьесѣ въ адъ, въ царствѣ старшого. Для режиссеровъ и декораторовъ скользкій путь, — трудная задача, но и интересная: осуществить въ театрѣ созданія народной фантазіи, показать «чертей» въ томъ видѣ, какой придало имъ наше русское народное воображеніе. Что могутъ тутъ быть достиг-

для хорошей выдумки, для игры фантазіи въ интересномъ направленіи. Онъ, должно быть, считалъ, что «Винокуръ» достаточно цѣненъ и интересенъ и самъ по себѣ, и наскоро отдѣлался отъ «чертовщины» пьесы, устроивъ маскарадъ изъ всего, что подъ руку подвертывалось, или что освящено традиціями волшебныхъ феерій. И то, какъ «черти» были одѣты, и какъ орали, метались по сценѣ подъ музыку, — отнюдь не говорило о роскоши фантазіи и объ изысканности вкуса. И не производило никакого впечатлѣнія, развѣ на самаго нетребовательнаго зрителя. Точно отбывалъ театръ наскоро какую-то повинность, точно только хотѣлъ «сбагрить» этотъ адъ со всѣми его чертями. Но, въ такомъ случаѣ, что же влекло его въ «Винокуръ», чего ради сталъ онъ его ставить?..

Ставъ на путь скользкій, театръ поскользнулся не только въ сценахъ ада, но и въ сценѣ на деревенской улицѣ, гдѣ устроилъ цѣлый дивертисментъ съ русскими пѣснями, хороводами, плясками. Пахнуло далекой театральной стариной, когда играли «Русскую свадьбу», когда вообще любили вводить дивертисментныя развлеченія.

Не былъ спектакль интересенъ, даже просто любопытенъ въ своемъ цѣломъ, не былъ онъ интересенъ и въ большинствѣ отдѣльныхъ исполненій. Счастливое исключеніе, уже отмѣчавшееся въ первой ночной замѣткѣ о спектаклѣ, — г. Нероновъ. Отличный былъ у него «мужицкій чортъ», прежде всего — гримомъ. И невольно хотѣлось спросить, почему же такой разительный контрастъ въ видѣ, между вотъ этимъ чортомъ и его коллегами, подчиненными одному и тому же «старшому» и выросшими изъ одной и той же народной фантазіи? Если бы въ инсценировкѣ пошли по тому пути, которымъ шелъ г. Нероновъ, результаты получились бы совсѣмъ иные и много болѣе цѣнные; можетъ быть, тогда спектакль «Винокура» и не производилъ бы впечатлѣнія полнаго недоразумѣнія. И не только по виѣшнему виду, но и по всему стилю игры, и по мягкому юмору, которымъ свѣтилось исполненіе, г. Нероновъ былъ очень хорошъ, хоть пемного вознаграждалъ за плохой, — позвольте сказать это опредѣленно, — спектакль.

Кого еще отмѣтить? Какъ всегда, отличный бытовой тонъ у г. Балакирева, игравшаго соблазненнаго чортомъ и ставшаго гнать вино мужика. Хорошо поетъ, хорошо пляшетъ г-жа Третьякова, которая такъ и купалась въ этой роли, гдѣ оказался полный спросъ на ея таланты. И, не жалѣя себя и грудь свою, легкія свои, кричалъ г. Грузинскій, игравшій главнаго чорта. Совсѣмъ плохъ у него гримъ, за который, впрочемъ, пужно винить не его, но режиссера, г. Коммиссаржевскаго можетъ быть — и художника г. Арапова, который какъ декораторъ, принималъ близкое участіе въ спектаклѣ, но не уберегъ его отъ безвкусія.

Старый другъ.